

Джона положил ключи и обложку на стойку, а затем подошел к холодильнику, чтобы взять содовую. Его парадные туфли тяжело стучали по полу кухни, и он хотел снять и повесить свою форму, чтобы избежать хлопот с ее сдачей в химчистку. Его первые учебные выходные прошли довольно скучно, но было приятно встретить больше людей в своем новом подразделении, поскольку он все еще был новичком в городе. Он пробыл в Брунсвике, штат Джорджия, полтора месяца после окончания основной подготовки, и жизнь оказалась совсем не такой, как он ожидал. Открыв газировку, он пошел по коридору к комнате матери, или, как все думали, к комнате тети Брук, чтобы узнать, не хочет ли она выпить в воскресенье вечером в баре "Тики", но она остановила его, когда он проходил мимо открытой ванной.

"Что делает в моем доме причудливо выглядящий летчик? Разве нет законов против размещения солдат или чего-то подобного?"

"Я думаю, что контекст важен, но я могу изнасиловать тебя как военный трофей, если хочешь". Его мама готовилась к выходу. Ее светлые волосы были слегка подкручены к низу, светло-розовые полосы падали в локоны чуть ниже плеч. Она слегка загорела, живя на пляже, и то, что она стояла там в одних трусиках, означало, что он не сможет удержать свои руки при себе. Он встал позади нее и поцеловал ее в шею, прежде чем она повернулась и встретила его более глубоким поцелуем, когда он толкнул ее к стойке.

"Никакого секса прямо сейчас, детка. У меня дурацкая встреча за ужином с телевизионным режиссером".

"У меня сложилось впечатление, что ты моя игрушка для свободного пользования, мама?"

"Да, но даже у секс-игрушек есть своя жизнь в современном мире. Я надеюсь, что этот режиссер пытается предложить мне короткую работу, поскольку он работает над полицейским драматическим сериалом, но посмотрим". Она снова повернулась к зеркалу. "Поиграй с моими сосками, это поднимает мне настроение".

Ее сиськи всегда приводили его в хорошее настроение. Она была на 20 лет старше и красива в свои 38 лет. Ее сиськи были мягкими в его руках, и ее большие соски сразу же откликнулись на его пальцы, когда он потянул их.

"Черт, это так приятно. Сделай их твердыми и сожми, детка. Позаботься о своей матери".

Его член был твердым на фоне синего платья, а ее соски размером с ластик смотрели на него через зеркало, когда он провел рукой вниз по ее животу, приближаясь к верхней части трусиков.

"Хватит. Я буду трахать тебя на этом прилавке, а потом я опоздаю, так что нам нужно остановиться. Поцелуй мамочку, сходи выпей пива и выйди из этой душной униформы. Я хочу поговорить с тобой перед уходом".

Он ткнул ее в задницу, заставив ее покачиваться под трусиками, прежде чем выйти, смеясь.

"Плохой мальчик!" Она бросила в него что-то, ударив об стену коридора, но он не стал задерживаться, чтобы посмотреть, что это было.

Час или около того спустя Брук вышла из своей комнаты в длинном облегающем черном платье с халтер-топом. Она не надела лифчик, и Джона залюбовался ее сосками, сильно прижатыми к тонкой, темной, почти прозрачной ткани.

"Сногсшибательно, мама".

"Пожалуйста, это старье? Кого я обманываю, я действительно выгляжу в нем очень сексуально. Кто бы мог подумать, что длинное черное прозрачное платье возьмет верх над маленьким черным платьем. А соски не слишком?"

"Смотря для чего он хочет тебя нанять, но я хочу делать с тобой очень плохие вещи с этим платьем, затянутым вокруг талии".

"Позже, но я надеюсь, что этот сексуальный ансамбль убедит его, что я могу быть MILF секспот, не теряя 20 фунтов, чтобы стать суперхудой; я ненавижу диеты, и 120 фунтов меня больше не веселят". Она прошла на кухню и налила стакан красного, а затем села на табурет у столешницы. Ее последний фильм имел огромный успех, поэтому она брала только короткие работы, чтобы не скучать. Деньги больше не были проблемой.

"Ты хотела поговорить. Как дела?" спросила Иона.

"Как дела с Эйнсли?".

"Отлично! Она приезжает завтра". Они с Эйнсли начали встречаться вскоре после того, как он переехал жить к Брук, то есть примерно через месяц. Они очень подружились, и их отношения становились все более серьезными. Они с Брук тоже становились друзьями.

"Хорошо. Мы с ней часто переписываемся, и мне нравится, что у меня есть маленькая 18-летняя подруга. Мы можем вместе ходить по магазинам, и она очень веселая для такой старой женщины, как я".

"Не старая, мам".

"Оставайся со мной. Дело вот в чем - она очень кокетливая и, возможно, самый приятный человек, которого я когда-либо встречала. Она постоянно находится в физическом контакте с тобой или со мной; это мило и симпатично, но я не знаю, влюблена ли она в меня, или она исследует возможность близости с женщинами, то есть, действительно близости, или что, поэтому я хотела поговорить с тобой об этом, прежде чем я потеряю контроль однажды ночью

и наброшусь на нее".

"Ты просишь разрешения украсть мою девушку, мама? Нам действительно нужно поговорить". Он подошел к ней и поцеловал ее в плечо, прежде чем взять еще пива.

"Прекрати! Нет. Я не хочу портить тебе жизнь или отпугивать ее от себя. Она безумно влюблена в тебя и может быть влюблена в меня, поэтому нам нужно быть осторожными. Мы не знаем ее до конца, и она молода, так что она может и сама себя не знать".

Брук объяснила Джоне, что у каждого человека есть три жизни: публичная, личная и тайная. Сейчас у них была одна тайная жизнь, но Эйнсли была лишь частью их личной. Большинство людей по-прежнему считали ее тетей Брук, но она была его матерью, и они не были уверены, как распространить эту новость, если она вообще будет.

"Ладно, я не против, если вы будете нападать друг на друга".

"Конечно, не возражаешь, и это не означает секс втроем; для нее я все еще твоя тетя, так что для нас это слой для отслаивания. Я могу ей действительно нравиться и чувствовать себя виноватой из-за этого или бояться, если она никогда не была с девушкой, но у меня такое чувство, что она была. Там много всего, поэтому я хочу, чтобы ты ее прощупал".

"Я и так это делаю".

"Я сказал, прощупай ее, а не прощупывай, и я тебя не виню. Она слишком милая, все 100 фунтов ее маленького тела". Она допила вино и встала, чтобы уйти.

"А как насчет тебя, мама? Какие отношения ты хочешь иметь с ней?"

Она остановилась у стола, чтобы положить ключи в маленькую черную сумочку. Ее глаза потеряли фокус, когда она задумалась. Ушел грустный отстраненный взгляд; она не делала этого с тех пор, как он узнал, что она его мать, и принял это. Это был задумчивый, но счастливый взгляд.

"Я никогда никого не буду любить так, как тебя, Джона. Ни мужчину, ни женщину. Мне не нужен другой мужчина в моей жизни; ты - это то, что мне нужно, и только ты". Она смотрела прямо на него, перекинув тонкий ремешок сумочки через плечо. "Мне нравится играть с Линдси, но это всего лишь трах, и нас обоих это устраивает. Мне нравится мысль о том, что молодая девушка любит меня и позволяет мне быть ее наставником или матерью, да. Мне нравится, как это звучит, и она мне нравится, но нет ничего важнее тебя, так что, повторюсь, прощупай ее, а там посмотрим, но я не против, если все сложится в нашу пользу, и нам нужно подумать, когда мы посвятим ее и Линдси в наш секрет".

"Какой секрет? О том, что ты моя мать, о великолепном сексе или о попе?"

"Начнем с первого, умник".

Джона так любил ее. То, как она говорила с ним - прямо и заботливо. Как она переходила от желания видеть его сыном, потом любовником, потом спрашивала его разрешения. Ее сложность поражала и возбуждала его.

"Я посмотрю, что там с Эйнсли, а Линдси - твоя забота. Я люблю тебя, мама. Постарайся повеселиться. Ты выглядишь потрясающе".

"Спасибо. Буду, детка. Люблю тебя. О, Джона, я говорю тебе это, когда ухожу, потому что не хочу обсуждать это, что довольно трусливо, но я ничего не могу с этим поделать. Я оставила запечатанный конверт на твоём столе. Сегодня вечером у вас будет свободное время, чтобы просмотреть его, но я еще не готов узнать, что вы там найдете. Этому конверту более 10 лет, и я никогда его не открывал. Я взял его для тебя. Он о твоём отце. Ты можешь прочитать его или сжечь, я не против. Мне жаль.

"Не надо. Мы есть друг у друга, и это никогда не изменится. Помни об этом."

"Ты хороший человек, Джона. Мама любит тебя. Спи сегодня в моей кровати, чтобы я мог забраться туда с тобой, когда вернусь домой".

Джона допил свое четвертое пиво. Эйнсли общалась с родителями, и он не хотел мешать ей, поэтому остались только он и конверт. Он мог бы сжечь его и покончить с этим. Он прожил 18 лет, не зная его; он мог прожить еще 18. Он выпил пиво и снова прокрутил в голове эту историю. Мама познакомилась с ним в колледже. Он и две подруги, и они все четверо были близки. Они везде ходили вместе, и она втайне фантазировала о них, но они воспользовались ею прежде, чем она смогла добровольно действовать. Хижина в горах, только они вчетвером. На следующее утро она проснулась с задранным платком, вся в их сперме. Они делали это по очереди и утверждали, что она была согласна на это. Она ничего не помнила об этом, и никто из них не признался, что подмешивал что-то в ее напитки.

Она узнала об этом после того, как забеременела. Никто из них не взял на себя ответственность. Пошли они. Пошел он. Она бросила школу. Бросила его. Он оставил конверт и вышел на улицу, чтобы послушать океан, пока он думал обо всех разговорах, которые у них были за последний месяц. У нее действительно не было выбора, и он знал это. Он должен был отпустить ее. Брук была самой лучшей вещью, которая когда-либо случалась с ним; он просто хотел, чтобы это произошло 18 лет назад. Он оставил конверт на стойке и пошел по пляжу к бару.

Бар "Тики" не был причудливым, но он компенсировал отсутствие культуры всеми клише,

необходимыми для пляжного бара. Тетя Брук знала всех, поэтому он мог пить без вопросов. Была среда, поэтому группа не играла допоздна, и игра в тривиал была в самом разгаре, когда он сидел за барной стойкой, погруженный в свои мысли; он улыбнулся, почувствовав запах сигареты рядом с собой.

"Ты слишком молод, чтобы размышлять в баре. Где та маленькая девочка, которая вешается на тебя?".

Ласи придвинула табурет рядом с ним; он непроизвольно сел рядом с ее местом. Она редко разговаривала с людьми и проводила большую часть времени за просмотром бейсбола и выпивкой. Он встретил ее на пляже, где она признала его, но не более того. В последний месяц она здоровалась с ним, когда он приходил с тетей Брук или Эйнсли, но они не были разговорчивыми.

"Ну, если есть эксперт по задумчивости в баре, то я разговариваю с ней. Как дела, Ласи?" На вид ей было около тридцати, сказала ему Брук, и она была немного загадочной, появившись всего за несколько недель до переезда Джона. Брук не знал ее. Они все считали ее красивой. Ее волосы были не просто темными, они были черными и доходили до середины спины. У нее были яркие зеленые глаза и темный загар. Он видел ее в бикини, а на ноге у нее была татуировка пантеры от икры до бедра, что добавляло ей загадочности.

"Я не задумчивая, я размышляю и сохраняю кислое выражение лица, чтобы отпугивать мужчин, но, похоже, на тебя это не действует".

"Да, игнорирование социальных сигналов и красных флажков - это часть моего обаяния. Моя первая бывшая жена может подтвердить это".

Она засмеялась, выпустив дым из сигареты.

<http://erolate.com/book/2418/61494>